

Людмила Шевцова
Наследник

Аннотация

Герой романа Виктор Пахомов, молодой, красивый и амбициозный парень, из убогого провинциального поселка, едет покорять Москву. Он видел ее только по телевизору, да на обложках гляцевых журналов. Виктор наивно полагает, что, благодаря своей незаурядной внешности, у него быстро появятся и деньги, и слава, и поклонницы... Он еще не знает, что общество, куда он так стремится попасть любой ценой, существует по своим законам. Ему придется заплатить слишком высокую цену, чтобы покорить этот город.

Виктор становится богатым и успешным, продав свою душу дьяволу. И он не может понять, что страшнее — «зона», обнесенная колючей проволокой, в которой он родился и вырос или сытая, самодовольная, сверкающая роскошью Москва. Этот город был его мечтой, а стал трагедией всей его жизни...

Людмила Шевцова

Наследник

Роман

Я долго петлял по зигзагам судьбы в поисках прямой дороги к удаче. Но, как оказалось, все дело в ударении. В этой крохотной черточке сверху над последней гласной в моем имени...

Раньше меня звали Вите к. Как дворнягу. А сейчас я Викто р. На французский манер. И звучит солидно — как сенбернар.

К ударению, разумеется, нужна родословная. Пришлось покопаться в своем генеалогическом древе и отыскать в нем французские корни. Так я стал Викто ром Де Бурже . Последним отпрыском старинного французского графского рода.

— Видите, вот эти окна на втором этаже? Здесь была спальня моей пра-пра, — публика замирала, когда я показывал фотографии своего родового замка с роскошным парадным подъездом и прилегающим к нему английским парком. — Между прочим, к ней нередко заглядывал сам Наполеон! В паутине моих генов вполне вероятно застряла парочка его хромосом, — посвящал я их в интимный мир своих предков, рассказывая про забавные интрижки пра-пра с Бонапартом.

Некоторые тут же находили во мне отдаленное сходство с Наполеоном. Я не возражал.

Правда, там, где я родился, французами и не пахло. Но кто знает? Возможно, какой-нибудь шальной, с перепугу, и обронил каплю своего семени. Во всяком случае, говорил я, как стопроцентный француз. С изысканной гнусавостью и слегка картавя. Я благодарил судьбу, что в моем родовом гнезде не было логопеда. А то он, наверняка, лишил бы меня французского шарма. Вот, когда я оценил свой хронический гайморит. Он перестал быть болезнью. Он стал «визитной карточкой» французского рода Де Бурже.

— Ума не приложу, что мне делать с этим замком?! — этой фразой я всегда завершал свою «летопись».

Боже мой! Что тут начиналось! Меня мгновенно окружали необычайным вниманием и заботой. Тискали в объятиях и слюнявили поцелуями, нашептывая время и место для «деловой» встречи. Меня хотели и не скрывали этого. Меня обожали, как будто я только что выиграл сражение под Ватерлоо...

Я был Казановой и Бонапартом. Два в одном. Как шампунь от перхоти.

Дальше, как правило, на меня буквально обрушивался шквал советов и предложений, как сегодня наилучшим образом можно распорядиться

уникальной недвижимостью и на самых выгодных условиях продать мой замок. Назывались корпорации, холдинги, банки, частные лица. Цены зашкаливали. От миллионов, которые пролетали мимо, у меня кружилась голова, и холодели руки. Правда, этот материальный ущерб тут же, отчасти, компенсировался морально.

— Замок бесценен, господа! — прерывал я разгоряченных покупателей. Потом виновато опускал глаза и, выдержав паузу, небрежно бросал:

— Дело в том, господа, что я не нуждаюсь в деньгах.

Это был удар ниже пояса. Многие его не выдерживали и старились прямо на глазах.

Я обожал эти сцены. Как истинный гурман, я смаковал чужую зависть. И испытывал ни с чем несравнимое наслаждение, наблюдая, как она пожирает их. В этот момент у меня удваивался адреналин...

Я вспоминал Жозефину. У меня был хороший учитель. Дьявол в юбке! Моцарт интриг! Редчайшая стерва и тонкий знаток человеческих слабостей. Вот кто умел виртуозно играть на низменных чувствах. Как Паганини на скрипке!

1

Фотографии замка Де Бурже подарил мне Леха. Давний приятель, еще с детства. Он так же,

как и я, мыкался в поисках удачи и приличной родословной. Нас тогда объединяла общая цель. Правда, шли мы к ней разными путями.

Годом раньше Леха приехал в Москву и сразу же, выдержав конкурс, стал моделью одного из салонов на Кузнецком. Он был просто рожден для этой профессии. Его манера двигаться от природы была легкой и грациозной. Едва касаясь, он плыл по подиуму, волнуя и завораживая публику изящными вихляниями своего зада.

Как-то раз, во Франции, Леха представлял новую коллекцию одного из наших кутюрье. И вот там, в молодого красивого манекенщика влюбился крупный владелец модных французских салонов и знаменитых парижских варьете. Дряхлеющий миллионер предложил ему свое покровительство и отеческую заботу. Правда, при этом Лехе пришлось поменять не только имя, но и пол. Вот тогда и зажглась на небе Франции его голубая звезда. С тех пор Алексис, так звали теперь Леху, жил в замке Де Бурже с пожухлым любителем нетрадиционных сексуальных отношений. Лехе повезло...

Мне же не везло с детства. Мое «родовое гнездо» было обнесено тремя рядами колючей проволоки. Я родился в маленьком убогом городке с закопченным небом и перекошенными бараками, наспех построенными зеками. Этот городишко не отыщешь ни на одной карте бывшего Советского

Союза. Его специально стерли, что бы он не мозолил глаза иностранным шпионам своими урановыми рудниками.

Мой отец не дожил двух месяцев до моего рождения, и я стал сыном улицы. Самые первые слова, которые я услышал — прокуренный до хрипоты мат. Самое яркое впечатление — пьяные драки. Других воспоминаний не сохранилось.

Я мечтал вырваться из своего «родового гнезда» на мировой простор. Но для этого нужны были деньги. У моей матери никогда не было денег. Работая медсестрой, она едва сводила концы с концами. Хотя мечтать я мог и бесплатно. А вот превратить свою сказочную мечту в реальность без денег было невозможно. У меня стала развиваться острая до боли любовь к деньгам.

Какой-то римский император сказал, что деньги не пахнут. Он врал. Я знаю, как пахнут деньги. И мог бы написать об этом целый роман. Но люди предпочитают иметь деньги, а не читать про них романы. Поэтому я не стал писателем.

Деньги пахнут. У них миллион разных запахов и запашков...

В детстве они пахли красивыми игрушками, велосипедом, которого у меня никогда не было. Вдыхая их аромат, я часами простаивал у прилавка. Деньги пахли мороженым, когда, зажав в кулачке выплаканную копеечку, я мчался купить сладкую

трубочку.

Деньги пахли самым красивым городом мира, как учили нас в школе. Я полюбил этот город до бреда. Я ждал встречи с ним, как Ассоль алых парусов. Из газет и журналов я вырезал фотографии самого красивого города мира и бродил по его улицам в черном смокинге, широкополой шляпе и с тростью. Как иностранец. Так я себе представлял тогда иностранцев. В нашем городке их никогда не было. Смокинг, шляпа и трость тоже пахли деньгами. У них был особый романтический запах.

Позже деньги стали пахнуть интригами и предательством друзей, дорогими духами и ложью, обнаженными спинами женщин, рулеткой и смертью...

Чтобы я не воротил нос от денег, отец не оставил мне в наследство римскую империю. Он оставил мне вонючую комнату в сыром бараке и клеймо плебея. И еще... Мама говорила, что я очень похож на отца.

— Ой, какой хорошенький! — это я слышал с детства. — Прямо ангелочек!

— Ты так похож на артиста Коренева! — кокетливо заигрывали со мной одноклассницы.

— Ты мне напоминаешь князя Мышкина! — поглаживая мое колено, томно шептали женщины постарше.

В нашем городке их было много. Одиноких и

голодных...

Конец этим спорам положила учительница по литературе, потомственная каторжанка.

— Вылитый Овод! — Воскликнула она, сложив на груди свои маленькие ручки. — Ну, вылитый Овод!

Я пошел в библиотеку, разыскал потрепанную книгу и прочитал ее. Овод мне не понравился. Он жаждал страданий, холодных камер и жутких пыток. А я хотел быть любимым, жить в тепле и иметь много денег.

С внешностью Овода мне, конечно, прочили счастливую судьбу артиста. И я уже представлял себя на театральных подмостках самого лучшего города мира.

Бедная моя мама! Она была единственной, кто не верил, что я стану артистом. Но где-то в глубине души она все-таки надеялась, что, может быть, я устроюсь в каком-нибудь большом городе и заберу ее отсюда. И тогда она будет греться возле моего счастья. Как у камина.

Я же готовился стать артистом и учил «Мцыри». Он, как и я, тоже мечтал о свободе. На этом, правда, наше сходство заканчивалось.

Лучший город мира ошарашил меня шумом, суетой и безмерным количеством желающих откусить от этой сладкой жизни кусочек пожирней...

В театральный я провалился. Оказалось, что у меня нет таланта.

— Молодой человек, «Мцыри» в вашем исполнении звучит просто чудовищно! — вздохнул профессор.

Он мне напоминал засушенный лавровый лист. Театральный мэтр, наверное, мстил мне за то, что природа пожалела на него своих красок.

От ужаса я вдруг заорал: «Из-за острова на стрежень...».

— Достаточно, молодой человек, достаточно! — лавровый лист вскочил с места и замахал ручонками. — Простите великодушно, но в вокале вы тоже не Шаляпин. И потом, сказать откровенно, вам очень надо поработать над своей дикцией. Вы же половину букв не выговариваете! — и на его лице отразилась вся мировая скорбь.

— Может, меня кто-нибудь другой послушает?! — этой фразой я уничтожил свою карьеру артиста навсегда.

— А вот это, пожалуйста! — обрадовался мэтр и театрально вскинул сухонькую ручку в сторону двери. — Вот это — сколько вам будет угодно!

Я гордо повернулся и ушел. Как Мцыри.

«Старый козел! — Меня душили слезы. — Речь ему моя не понравилась!». А если честно?

Плывать мне было на театральный. Просто, я не знал пока, куда можно еще пристроиться с внешностью Овода. На аттестат рассчитывать не приходилось. Так как он лишь подтверждал, что я к тому же еще и не Эйнштейн.

Больше всего на свете мне не хотелось возвращаться домой. Я прекрасно представлял свою перспективу. К тридцати — сопьюсь. К тридцати пяти — загнусь. Статистика. Статистика нашей зоны...

Я же мечтал совсем о другом. С открытым ртом провинциала я останавливался у входа дорогих ресторанов и завидовал крутым ребятам, которые сидели там, за стеклом, с полуобнаженными девицами. Это стекло казалось мне непреодолимым барьером в фантастическую жизнь.

В нашем городке была одна привокзальная забегаловка. Одуревшие от безысходности мужики мешали там водку с пивом, надрывно матерились, били друг другу морды и мочились тут же, за углом.

Однажды у «Метрополя» я увидел Аллу Пугачеву. Она вышла из своей огромной, как белый пароход, машины и на мгновение задержалась у зеркальных дверей ресторана. Я бросился к ней, хотел попросить автограф. Но двухметровый охранник «слегка» оттеснил меня, и я упал. Звезда

лениво посмотрела в мою сторону и скрылась за порогом недоступного мне мира.

Ошеломленный неожиданной встречей, я еще долго стоял у ресторана и не понимал, за что меня пнули, как дворнягу!?

Потом мне объяснили, что нельзя делать резких движений в сторону хозяев этого мира. Вот когда я разозлился по-настоящему. «Почему я должен прожить свою жизнь в подворотне?!»...

Я оцетинился! Я уцепился за город своей мечты мертвой хваткой. Как бультерьер. Я хотел доказать всем, что у меня есть талант! И пошел к своей цели честной трудовой дорогой. Как учили в школе. Другой дороги я пока не знал.

Кем я только не был! Дворником, грузчиком на рынке, сторожем на автостоянке, мусоросборщиком, сборщиком мебели, «челноком»...

Откладывая рублик к рублику, я экономил на всем. Мне удалось снять комнату на окраине города с видом на крематорий и получить «корочки» в престижной «импортной» фирме совкового разлива. За пятьсот баксов эта фирма клепала массажистов широкого профиля, обещая стажировку за границей и перспективу прикоснуться к элитному телу. И моя мечта замаячила на горизонте.

«С такими корочками, я смогу открыть свой

салон, — рассуждал я. — На Тверской, или, по крайней мере, где-нибудь на Арбате. У меня появятся связи, богатые клиенты, дорогая машина, красивые женщины. А по вечерам я буду растворяться в объятиях сладкой жизни»...

Со своим «международным» дипломом, я с трудом устроился в VIP-сауну. Одну из тех, что мелькают на страницах газет в разделе «Досуг».

VIP-сауна была обычным занюханым борделем. И мои деньги запахли потом, водкой и дешевыми проститутками. Они, как и я, тоже мечтали покорить лучший город мира. С тех пор я ненавижу сауну.

Случалось, я напивался, но это не решало моих проблем. Я жил в постоянном противоречии с самим собой и все время чего-то ждал...

Мне казалось, что я получаю от жизни гораздо меньше, чем заслуживаю. Ведь я был молод и красив. Я был убежден, что молодость и красота тоже чего-то стоят. Только вот чего и сколько? На этот вопрос я пока не мог ответить.

2

Бог знает, как сложилась бы моя судьба? Но однажды в сауне появился Леха. Он оказался моим клиентом. Как его сюда занесло?! Это было еще до его французской «женитьбы».

— Знакомая моего шефа ищет себе массажиста и помощника, — как-то сообщил Леха. — Если хочешь, я поговорю с ним?

Конечно же, я согласился. Во всяком случае, был шанс вырваться из этой шарашки.

— Звякни мне завтра вечером, — сказал Леха на прощание. — Постараюсь организовать для тебя рекомендательное письмо. У своего шефа.

— Что, он не может ей позвонить? — мне хотелось ускорить этот процесс.

— Э-э! — ухмыльнулся Леха. — Тут свои игры. Без рекомендательного письма тебя туда и близко не подпустят. Документик нужен. Число, подпись... Чтоб знать, кто ей тебя подсунул. На случай, если будешь плохо себя вести! — и Леха погрозил пальчиком. — Иначе, моему шефу голову оторвут. Понял? А он — мне!

— Обижаешь, старик!?

— Ну, ладно, ладно. Это я так. Чтоб имел в виду!

Через пару дней я держал в руках судьбоносный конверт. И тут же набрал указанный номер телефона.

— Немедленно приезжайте! — приказал прокуренный бас таким тоном, как будто я уже совершил прогул.

И я помчался на встречу с басом.

«Должно быть, знатная птица моя будущая

клиентка», — подумал я, когда остановился перед домом на улице Неждановой. Он весь был увешан мемориальными досками из черного и белого мрамора.

Подойти к подъезду оказалось не просто. У ворот стояла будка с охранником. Меня вежливо спросили, куда и к кому я иду. В подъезде тоже сидел охранник. На этот раз он не только спросил, но и, попросив «документик», записал мою фамилию.

Я поднялся на третий этаж и уперся в массивную дверь «под орех». Наверняка, бронированную. Слева сверху на меня смотрела видеокамера.

«Ни хрена себе! — подумал я, нажимая на звонок. — Тут, как на зоне»...

Дверь открылась. На пороге стояла полураздетая старуха. Такая страшная, что Баба-яга по сравнению с ней была Василисой Прекрасной. Нос толстый, глаза навывкате, парик набекрень, а на подбородке редкие седые волосы. Картину завершала массивная трубка во рту. Пускающая дым кольцами, старуха причмокивала.

«Ведьма! — оторопел я. — Какой там массаж! Ей впору катафалк заказывать»...

— Входи! — кивнула она.

Я вздрогнул, услышав знакомый бас.

Через полутемный холл мы прошли в

гостиную. Я мог бы, скорее, сравнить ее... с небольшим банкетным залом. Сразу в глаза бросался огромный белый рояль. Он отражался в зеркальных стенах и, казалось, что их много. На овальном столе, окруженном двенадцатью стульями, стояла фарфоровая ваза с красными розами. Повсюду висели картины в массивных позолоченных рамах, подсвеченные по бокам канделябрами. В углу, у малахитового камина, размещались массивные кресла, отделанные лайковой кожей.

Старуха уселась в кресло. А меня усадила напротив.

— Значит, ты от Миши? — и она впиалась в меня своими черными влажными глазами.

От растерянности я замешкался.

— Ничего. Хорошенький! — видимо, старухе я понравился. По крайней мере, внешне. — От Миши, говоришь?!

— Да, — кивнул я и протянул конверт. — Вам нужен массажист?

— Нужен, нужен... — не отрывая от меня глаз, она взяла конверт и достала письмо. — Мало ли, кто мне нужен? Да. Хорошенький...

«Запала бабулька, — с надеждой подумал я. Вот когда пригодилась моя внешность Овода!».

Старуха пристально смотрела на меня еще с минуту. Потом развернула письмо, мельком

взглянула на него и небрежно бросила на камин.

— Прямо, херувимчик! — она снова уставилась на меня. — Похож. Надо же, как две капли, похож! Сволочь, каких свет не видал! Тоже хорошенький был. Как ты, — ее рот скривился в улыбке, обнажив вставные челюсти.

Невольно напомнив старухе какую-то сволочь, я почему-то почувствовал себя виноватым.

— Зови меня Жозефина. И на ты. Понял!? Я так люблю.

— Виктор, — представился я, чуть-чуть приподнявшись, и начал было «свою биографию», но старуха оборвала меня.

— Викто р! — она сделала ударение на последнем слогe. — Ты будешь Викто р! Понял! Или просто Вик. Это, пожалуй, даже лучше. Вик! О, это была порядочная сволочь. Хотя и француз, — продолжила она свои воспоминания. — Хм... Отчим мой. В посольстве работал. Сто лет назад. Да, ничего не скажешь, хорошенький! — Мгновенно вернулась она в день сегодняшней. — Значит, Вик. Понял!?

Я кивнул головой. Мне было все равно, как назовет меня эта сумасшедшая старуха, лишь бы поскорее отсюда слинять. Такую рухлядь я видел впервые. От нее веяло кладбищем.

— Ладно. Беру! — отрезала старуха. — В месяц будешь получать... — и она назвала цифру...

Меня аж вдавило в кресло. За эти деньги я готов был делать старушке не только массаж, но с утра до вечера носить ее на руках, укладывая спать и петь колыбельную. Я готов был свернуться калачиком у ее ног и преданно служить всю оставшуюся жизнь. Сейчас она уже не казалась мне ведьмой. Скорее, божьим одуванчиком. Теперь меня беспокоило только одно, что старушке осталось совсем немного...

Мои мозги трещали, как компьютер. Перед глазами мелькали сто долларовые купюры, и я мгновенно подсчитал, что если бабулька продержится хотя бы полгода, то я получу целое состояние...

— Беру на год. С полным пансионом, — Жозефина опять улыбнулась. Но ее глаза совсем не улыбались, пронизывая меня насквозь. — С испытательным сроком. На месяц. А, может быть, на неделю. Или на день! — и тут она громко расхохоталась. — Но учти! — старуха резко оборвала смех. — Деньги будешь получать только на карманные расходы. А гонорар получишь по окончании контракта. Через год. И еще. Жить будешь здесь. Ты должен быть всегда под рукой.

«Да она просто ангел!», — я смотрел на нее почти с сыновней любовью и пытался изобразить на своем лице нежность и преданность одновременно.

— Родственники есть? — неожиданно спросила Жозефина. — Где они у тебя?

— Я сирота, — выпалил я в надежде, что бабулька немедленно меня усыновит.

— Терпеть не могу родственников! Вечно просят в долг и никогда не отдают! Бедненький! — она вдруг затрясла головой и захныкала, — бедненький мой мальчик! Сирота. Как и я!

Бабулька действительно выглядела беспомощной и несчастной. Я даже растерялся. Мне не хотелось, что бы она скончалась раньше, чем закончится мой контракт. Я готов был признаться, что у меня все-таки была мать...

— Одна я. Совсем одна. На всем белом свете! — хлюпала старуха носом. — Добра-то много. Вот все и норовят обмануть меня. Да обокрасть... Ты будешь любить Жозефину!? — Вдруг громко спросила она. — Будешь!?

— Буду, — вздрогнул я. Но, честное слово, в этот момент я был искренен.

— Ну и ладно, — ее рыдания, как рукой сняло. — А сейчас, сделай-ка мне массаж.

Жозефина с трудом поднялась с кресла и заковыляла в соседнюю комнату.

Судя по всему, эта комната предназначалась исключительно для процедур. Она была в розовых тонах. Посреди комнаты стоял массажный стол. Такой увидишь не в каждом элитном салоне. Рядом,

на изящной подставке, красовался изысканный «букет» кремов, масел, лосьонов, и, бог знает, еще чего. Роскошная японская ширма-витраж разделяла комнату на две части.

Жозефина сняла халат. И я оторопел. Она предстала передо мной в кокетливом кружевном белье для интимных встреч.

— Что, съел!? — захихикала старуха и ущипнула меня за задницу. — Думаешь, я совсем уже рухлядь?! Ошибаешься. Все ошибаются! Умывальник за ширмой. Иди, готовься.

За ширмой оказался не только умывальник. Там была супер кабина с ванной-джакузи и сауной. И овальное зеркало во всю стену, прикрепленное золотыми цепями.

Я включил воду и посмотрел на себя в зеркало.

В моих глазах мелькнула какая-то собачья покорность. И тут я понял, к чему мне надо готовиться...

— Раздень меня, — пробасила Жозефина и прикрыла веки.

Работая массажистом в VIP-сауне, я, мягко говоря, привык, к разного рода, пикантным ситуациям. Но чтобы столетняя бабулька изображала из себя жрицу любви, не припомню даже в самой крутой эротике. Никто не мешал мне возмутиться, вскипеть, гордо хлопнуть дверью...

Но когда тебе обещают такие деньги, совсем не трудно и пофантазировать, представив, что перед тобой Клаудиа Кардинале. Ну, пожилая...

«Насмотрелась старушка порнушки», — подумал я, аккуратно снимая ее кружевной прикид.

— Со мной, милый, все ясно! — она как будто читала мои мысли. — Покажи-ка, на что ты способен?

Чтобы несильно возбуждать бабульку, я решил начать с легкого эротического массажа. Подобрал крем и стал нежно поглаживать ее серо-желтое, сморщенное тело. Я едва касался ее кожи. Мне казалось, стоит чуть посильнее надавить на ее, условно говоря, эрогенные зоны, и они разлетятся на мелкие кусочки, как высохший пергамент.

Через пару минут моих поглаживаний, Жозефина захрапела так, что задрожал массажный стол, а японская ширма стала громко позвякивать. Старуха свистела, рыкала, визжала, шипела... Было такое впечатление, что я попал в джунгли в сезон брачных игр.

Я осторожно прикрыл бабульку махровой простыней и присел рядышком, ожидая, пока это чудо-юдо пробудится...

— Да, Витек, — сказал я себе, — кажется, ты вляпался, по самое не хочу.

И у нас завязался разговор.

— А ты как думал? Такие деньги за красивые глазки не платят.

— Да на этом секс-кладбище будет покруче, чем в VIP-сауне!

— Но, с другой стороны, прикинь-ка, сколько ты за это получишь!?

И мой внутренний голос заткнулся.

Жозефина храпела минут пять. Потом открыла глаза, и я снова услышал уже полюбившийся мне бас.

— Руки у тебя ласковые. А вот массажист ты хреновый!

Я не знал, как реагировать на «комплимент». Но ясно понял, что мой испытательный срок закончился.

— Помоги-ка мне! — закричала старуха.

Я с трудом приподнял Жозефину и осторожно поставил ее на ноги.

— Ну... Теперь одень меня! — потребовала она.

Я подал ей белье. Она резко швырнула его мне в лицо. Накинула халат на голое тело и зашаркала в гостиную.

Жозефина уселась в кресло и закурила трубку. Я ждал команды «На выход!».

— Садись, — недовольно пробурчала она. — Машину водишь?

— Да. Я работал шофером, — у меня немного

отлегло. — Права есть.

— Вечером поедем в «Метрополь», — она ухмыльнулась. — Покажу тебя людям!

Я тут же сообразил, что мой испытательный срок продлен, по крайней мере, до вечера.

— Я сделаю для вас все, что вы захотите, — вдруг вырвалось у меня.

— Ты?! Для меня?! — Жозефина рассмеялась. — Что ты можешь сделать для меня!? Милый?! Что ты вообще можешь делать? — она покряхтела и взялась за свою трубку. — Это я могу все для тебя сделать.

Втянув голову в плечи, я смотрел на нее как кролик на удава.

— Мне от вас ничего не надо, — с трудом выдавил я и хотел встать...

— Сидеть! — пригвоздила меня старуха. — Только покойникам и дуракам ничего не надо. А тебе многое надо. Ты же за этим сюда пришел? Ты хочешь стать богатым? Но не знаешь, как? А я знаю! И научу тебя, дурака. Если только будешь любить Жозефину. Понял?! — усмехнулась она и откинулась на спинку кресла. — Мне нравятся такие хорошенькие, как ты. Только и всего. Я, милый, не каждому доверюсь, — ласково заворчала старуха и погладила меня по коленке. — Мое время и силы слишком дорого стоят. Вот будешь любить Жозефину — все получишь. Не будешь, — она

развела руками. — Но, пока ты мне нравишься.

Жозефина резво встала и направилась к комоду. Я был поражен, с какой легкостью она поднялась с кресла. Старуха уже не выглядела такой рухлядью, какой казалась в начале.

— Первое время будешь вилять хвостом, стоять на задних лапах, облизывать меня. А потом, скурвишься! Как все. Ты знаешь, какое самое страшное изобретение придумали люди?

Я отрицательно мотнул головой.

— А я знаю, — усмехнулась Жозефина. — Печатный станок.

Она достала из комода деревянную шкатулку старинной работы. Открыла ее. Заиграла музыка. Старуха вытащила из пухлой пачки баксов одну бумажку.

— Ладно. Иди за вещами. Жду тебя к шести. — Потом, немного подумав, добавила еще две. — Это тебе за визит! На тот случай, если ты сбежишь, — она швырнула мне деньги и направилась к выходу, чтобы запереть за мной дверь.

Я пулей вылетел из подъезда с твердым намерением никогда больше не переступить порог этого дома...

Я бесцельно бродил по улицам, стараясь избавиться от какого-то гадливого чувства. Меня преследовала мысль, зачем я нужен Жозефине? Развлечься с «хорошеньким» мальчиком? Так это сейчас не проблема. Были б деньги. Можно найти мальчика и подешевле. И удовлетворил бы по полной программе.

Я не понимал, за что она заплатила мне триста баксов? За пару минут эротических поглаживаний? Похрапеть на массажном столе она могла бы и бесплатно. Найти личного шофера в наше время еще проще...

Чем больше я об этом думал, тем сильнее старуха притягивала меня какой-то тайной. Она во многом была права. Если не во всем. Все хотят стать богатыми. Но не знают, как. Я тоже не знаю. Сколько лет барахтаюсь в дерьме. Можно, конечно, тешиться мыслью, что все так живут. Но я не хочу, как все. Я уже так жил. Мне не понравилось.

«А что, собственно, произошло? — спросил я себя, — чего это ты вдруг так струхнул? Никто же не покушается на твою драгоценную жизнь!?».

Немного успокоившись, я стал различать окружающую действительность...

«С другой стороны? — рассуждал я. — Возможно, встреча с Жозефиной принесет мне

удачу? Я же ее за язык не тянул. Она сама сказала, что научит меня стать богатым. Зачем же уносить такой секрет в могилу? Пусть передаст его мне. Тем более, старушка призналась, что не каждому доверится. И надо быть полным идиотом, чтобы упустить такой шанс». Тогда я снова спросил себя:

— Витек, ты хочешь стать богатым?

И у нас снова завязался разговор.

— Какой же дурак этого не хочет!

— Но за это надо платить!?! Так что придется тебе малек поунижаться...

— Напугал! В VIP-сауне я делал это за копейки.

— Ну, так в чем же дело? Вперед! — на этой оптимистической ноте наш разговор закончился.

Черт возьми! Я был молод, красив, где-то даже талантлив. И готов научиться стать богатым!

Без пятнадцати шесть, со всем своим барахлом, которое умещалось в одной сумке, я стоял на пороге дома Жозефины.

— Пойдем, — спокойно встретила она меня, — покажу твою комнату.

Она была уверена, что я приму ее предложение и поселюсь в ее доме...

— В конце коридора, налево, дверь твоей комнаты. Ванная напротив. Располагайся. Когда понадобится, я позову, — старуха повернулась и ушла.

Моя комната находилась рядом с кухней. Она была изолирована от остальных и, видимо, предназначалась для прислуги. Там стояла широкая тахта, накрытая дорогим покрывалом, письменный стол, телевизор и большой зеркальный шкаф. Окнами она выходила прямо на Тверскую. Комната мне понравилась.

Я, не торопясь, разложил вещи и отправился на экскурсию. Надо же мне было как-то сориентироваться на новом месте.

Заглянул в гостиную. Стал рассматривать картины. В первый свой визит мне было не до них. Насколько я понимал в живописи, картины были подлинными. На каждой стоял автограф художника и год. Некоторые, были даже из позапрошлого века. Там были даты: 1862, 1879...

Больше всех меня поразил огромный портрет молодой женщины. От потолка до пола. Женщина была изображена во весь рост. Я не сразу узнал в ней Жозефину. В молодости она была даже симпатичной. От прежней Жозефины остались только глаза. Холодные и острые. Под портретом не было ни имени художника, ни даты.

Слева от камина была арка. Она вела в небольшой холл. Там я увидел еще две двери. Они были плотно закрыты. Везде было тихо. Массажную я уже видел. Заглянуть в другие комнаты пока не осмелился и вернулся к себе.

По пути зашел на кухню. Она была обставлена антикварной резной мебелью. И скорее, напоминала музей деревянного зодчества. Было такое впечатление, что здесь давно никто ничего не готовил.

Неплохо было бы и перекусить. Я вспомнил, что целый день ничего не ел. А старуха обещала полный пансион. Но тут даже холодильника не было. Вернее, я его не сразу нашел. Он был вмонтирован в огромный шкаф.

Я заглянул в него. И попал в аптечный киоск, забитый тюбиками, баночками, скляночками, коробочками с травами, витаминами...

«С таким пансионом концы отдашь, пожалуй, быстрее, чем закончится контракт!», — вздохнул я и пошел в свою комнату.

На улице уже стемнело. Я стоял у окна, любуясь вечерними огнями Тверской. Этот пейзаж мне нравился больше, чем вечно дымящие трубы крематория. Там шла работа без выходных и перерывов.

Вдруг раздался телефонный звонок. Настолько неожиданно, что я вздрогнул. Только сейчас я обнаружил на столе радиотелефон, но не решился взять трубку. Мне никто не мог звонить. Но телефон не умолкал. Я взял трубку и услышал «родной» голос.

— Выезжаем через полчаса, — сухо сообщила

Жозефина.

«Во, как поставлено! — мелькнуло в голове. — Управление и контроль с использованием современных средств связи. Может, она еще и наблюдает за мной?».

Я невольно стал шарить глазами по комнате. Но никаких признаков видеокамеры не обнаружил. Что касается телефона, то это меня даже порадовало. По крайней мере, лучше ее слышать, чем видеть.

На часах было девять. Я достал выходной костюмчик, он же единственный, купленный еще в Турции в челночные времена. Надел рубашку, галстук, хотя и не любил его. Смахнул пыль с «вечерних» туфель и, в принципе, был готов к выходу в свет.

В запасе было еще минут двадцать. От нечего делать я включил телевизор. Вдруг, снова раздался звонок.

— У тебя смокинг есть? — спросила Жозефина.

— Шьют, — пошутил я, — сам Карден приезжал снимать мерки.

— Ладно, остряк. Иди сюда.

В маленьком холле одна из дверей была открыта. Я постучал.

— Входи, входи, — раздался глухой голос Жозефины.

Это был то ли кабинет, то ли гардеробная. Вся левая стена комнаты представляла собой один большой шкаф. Через какое-то время из шкафа вышла полураздетая бабулька, держа в руках два шикарных смокинга. Черный и темно-бордовый. Она взглянула на мой турецкий костюм и хмыкнула.

— Откуда это у тебя?

— От Версаче, разве не видно?! — сказал я как можно серьезнее.

— Да уж, вижу! — она перевела взгляд с одного смокинга на другой. Подошла и приложила к моей груди прямо с вешалкой сначала темно-бордовый, потом черный, потом опять темно-бордовый...

— Ну-ка, примерь вот этот. Димочкин. Должен подойти. Вы с ним одного роста. Тоже хорошенький был. Сволочь! Плохо себя вел, — вспомнила она, видимо, о моем предшественнике и тут же перекинулась на меня. — Ну вот, совсем другое дело. Прямо, француз! Не любил Жозефину! Скурвился, — снова продолжила она свои неизгладимые воспоминания. — Воровать стал. Выгнала неделю назад...

«Без выходного пособия!», — добавил я про себя.

Судя по количеству смокингов, мне придется услышать еще не одну биографию ее бывших

«сволочей».

Через двадцать минут я уже косил под француза. Начищенный, приглаженный, надушенный Димочкиными духами и в его смокинге я сидел в шикарном кожаном кресле возле камина.

В арке гостиной появилась элегантная респектабельная дама в длинном, из черного бархата, полуприлегающем платье.

Я обалдел. От старухи не осталось и следа. Глаза ее горели азартным блеском. Щеки были подрумянены. Парик идеально уложен. На плечи накинут палантин из баргузинского соболя. Почти на всех пальцах сверкали кольца и перстни...

Внизу, на выходе, из своей комнатки выскочил консьерж и услужливо открыл перед нами дверь.

— Добрый вечер, Жу! — улыбнулся он. — Рад видеть вас!

Жозефина слегка кивнула.

У подъезда стояла серебристо-перламутровая «Subaru». Из нее вышел другой охранник.

— Добрый вечер, Жу! — он распахнул дверь водителя и предложил ей руку.

— Ну что там с сигнализацией? — приподняв подол платья, она уселась за руль.

— Все в порядке, Жу. Можете не волноваться, — охранник аккуратно закрыл за ней

дверцу и, обежав вокруг, угодливо предложил мне сесть рядом с Жозефиной.

«Неужели, не боится? — удивился я. — В ее-то возрасте!».

— Люблю скорость! — Жозефина нажала на газ, и машина сорвалась с места.

Мы выехали на Тверскую. Она мчалась как сумасшедшая, рискованно перестраиваясь то влево, то вправо. Тормоза визжали. Я даже слегка струхнул. Жозефина заметила мое напряжение и расхохоталась.

— Ну, как?! Пойдешь пешком?!

Я с трудом разжал челюсть, чтобы изобразить подобие улыбки.

— Сегодня у тебя будет маленький бенефис! В честь нашего знакомства. Я так хочу.

Буквально через три минуты мы были уже у ресторана «Метрополь».

Навстречу нам выскочил швейцар. Он открыл дверцу машины и помог Жозефине выйти. Она бросила ему ключи, а мне подставила локоть.

Я взял ее под руку и понял, что мой бенефис начался...

4

В холле ресторана к нам подлетел невысокий лысовато-полноватый мужчина лет тридцати пяти с

маленькими серыми бегающими глазками.

— Ну, наконец-то, Жу! Я боялся, что ты не приедешь! — И он кинулся целовать ее пальцы. Каждый по отдельности. Как будто перебирал клавиши рояля. — Звонил целый день. Никто не брал трубку! Я уже хотел...

— Не ври! Я весь день была дома, — одернула его Жозефина. — Познакомься лучше. Вик. Мой племянник.

— Ах, плутовка Жу! — засюсюкал лысый и, не глядя на меня, протянул руку, — Фил. Все шалишь, Жу?! И когда ты только успеваешь!? Уже и племянничка подцепила! — Он мельком взглянул на меня, и его тонкие губы растянулись в фальшивой улыбке. — А сынок-то наш куда подевался?!

— Не выдержал материнской ласки! — хмыкнула старуха. — Все ждешь, когда я тебя усыновлю, стервец!?

— Жу-у!? — толстяк театрально припал к груди Жозефины. Он до нее лишь и дотягивал. — Денно и ночью только и делаю, что молюсь за тебя!

— Во-о! Видишь, как врет. Учись! — Жозефина толкнула меня локтем. — Жулик, каких свет не видал! Как змея — ног не найдешь. Но ласковый! Любит Жозефину, негодяй, любит!

— Ты прелесть, Жу! — Фил опустил свои глазки, и его довольное лицо изобразило легкое